

по Дальнему Востоку

Николай ФОТЬЕВ

ЗЕМЛЯ, на которой стою

Рисунок художника В. Романова.

ОЧЕРК

...С ДМИТРИЕМ ИВАНОВИЧЕМ работал я бок о бок последние три года моей аграрной деятельности. В начале шестидесятых меня перетянула газета и с тех пор я аграрник лишь в том смысле, что пишу о сельском хозяйстве. Встречи с Дмитрием Ивановичем и другими агрономами помогают мне лучше разбираться в текущих земельных делах.

— Ну, я сделаю из тебя агронома! — обычно грозитя он, вваливаясь в мою комнату. Раздевается, подсаживается к столу, причесывает темно-русую шевелюру на бочок по-стародавнему, достает блокнот. — Так вот, послушай. Тебе это полезно, чтоб от земли не отрывался...

Дмитрий Иванович придает большое значение тому, чтоб журналисты знали пред-

мет, о котором пишут. Тут я с ним полностью согласен.

Что я знал о Дмитрие Ивановиче вначале, еще в МТС? Первое впечатление — человеку некогда. Вечно он куда-то спешит, все не хватает времени. С утра у него споры с бухгалтерией из-за нарядов и «выкручивания» натуроплаты, телефонные звонки. Потом стрекочет мотоцикл и увозит агронома в колхозы, иногда на несколько дней. Вижу его на советах МТС, выступает против «посеем нынче раньше прошлогоднего!», против того, чтобы возили на поля недоспелый навоз, то есть не перепревшую еще солому, в которой полно неубитых сорняковых семян. Были у него тайные делянки, на которых он ставил опыты, о чем я узнал лишь потом, когда он уже работал в теперешней

должности директора учебно-опытного хозяйства.

Поначалу его постоянные «войны» казались мне довольно-таки странным делом. Разве не агроном, думалось мне, законодатель полевой стратегии и тактики, разве не он определяет, когда пахать-сеять, как вообще разумнее вести дела земельные? Почему же он должен еще отбиваться от кого-то, кто навязывает ему свои правила обхождения с землей?

Теперь, оглядываясь на прошлое, я часто думаю, как неразумно и губительно было то, что наделенному властью администратору позволялось подменять специалистов-аграрников, на выучку которых затрачено десяток-полтора лет и громадные материальные средства. Специалисты при разумном отношении к ним могли бы дать неизмеримо большую пользу.

Я сравниваю Дмитрия Ивановича тогдашнего и теперешнего. Внешне он изменился немного. Все так же прям корпусом, высок и скор на ногу, лицо спортивной кондиции, живые серые глаза в хитроватых блестках, твердый, чуть тяжеловатый подбородок очерчен резко. Однажды я спрашивал его, не был ли он спортсменом, ну там, спринтером или стайером, скороходом? Нет, оказывается, не был. Просто очень любит ходить. Вырос в ходьбе. В школу было ходить далеко с самого первого класса. Деревня Орловка, что стоит на берегу Архары, далековато расположена от районного центра. В армии шесть лет ходил в пехоте-матушке. Ну и агрономье дело — без ходьбы никак не обойдешься. Он до сих пор, когда уж пятый десяток разменял, по полям предпочитает ходить пешком. И поговорка на этот счет есть своя: «Ноги должны чувствовать землю».

Был я и свидетелем его «падения». История такова: тогдашний, не помню уж какой по счету, директор МТС, человек изворотливый, хозяйственный, всегда обуреваемый жаждой деятельности, едва началась целинная страда, объявил, что и его МТС целинная. В сопках тысячи полторы или две гектаров залежей зарастало мелким березняком. Поднять их было не так уж трудно, и рано или поздно МТС их подняла бы. А тут как раз под кампанию. И чести прибавится и, главное, снабжение будет целинное. Машины, горючее, запчасти — все в первую очередь. И строительство...

В первый год план по целине был перевыполнен. И действительно, прибавилось почету и даже выдали республиканскую премию. Пошли машины, запчасти, горючее, стройматериалы. На другой год план по целине давали на основании уже достигнутых результатов и, конечно, намного увеличили. А целины, фактически не было, залежь кончилась, и теперь, если действовать по плану, надлежало корчевать дубы и березы и даже сосняк. А график на выработку оставался тот же, расход горючего тот же, оплата рабочим та же. Просить каких-либо изменений у директора не было оснований. Если бы в области узнали, какая тут пошла

целина, то просто-напросто вывели бы МТС из числа целинных. Пора было бить отбой, но директор не бил. В стычках с агрономом твердил, что все берет на себя и пусть он не мешает, пусть еще подошлют техники и денег, пусть разворачивается пока строительство. А потом уж поневоле придется достраивать заложенные объекты. Объектов было заложено много, а целина, конечно, застыпорилась.

Директор пал, как несправившийся. Пал и Дмитрий Иванович, как антицелинник и за «подрыв колхозной экономики». Не захотел он понапрасну леса губить и капиталы, да еще выступил против всеобщего увлечения отдельной уборкой.

Эту уборку называли новым, прогрессивным способом, хотя всем было известно, что предшествующие поколения вообще не убирали хлеб иначе — вязали его в снопы, ставили в суслоны, просушивали. Потом постепенно обмолачивали, прихватив иногда и зимнего времени. Все делалось для того, чтобы обхитрить погоду и дело осилить.

Тогда в МТС ставилась эта же цель, по существу вполне разумная, так как испытывался острый недостаток в уборочной технике, много терялось хлеба при уборке комбайнами с корня, на приемные пункты хлеб поступал сырой, а сушилки не успевали отнять у него лишнюю влагу.

Так почему агроном выступил против отдельной уборки? Дело в том, что хлеб в тот год выдался хотя и крупноколосый, но низкий — на рост повлияла засуха. И никак нельзя было убирать его отдельно. Скошенный, он должен лечь на высокую стерню, чтобы, не касаясь земли, на весу хорошо проветрился и высох. Но можно ли было оставить высокую стерню при низком хлебе? Ведь тогда пришлось бы срезать лишь одни колоски, и они, конечно, не удержались бы наверху. И просохнуть не просохли бы, и взять их никакой машиной было невозможно. Короче, агроном выступил против шаблона в применении прогрессивного метода уборки.

Я видел, как переживала тогда за него его жена Тамара Николаевна, работавшая в МТС экономистом и диспетчером.

«И все-то на рожон лезешь! Все тебе надо больше всех!.. Чего добился?..»

Дней десять он пропадал в каких-то инстанциях. Вернулся чуть подсохший, с жестковатой суровинкой в веселых обычно глазах.

— А я, как видишь, жив и здоров! Туговато пришлось, но взяла все-таки наша.

Восстановили в партии, благословили работать на прежней должности.

Потом, дело это было в начале уборки, из своего окна я увидел две груженые скарбом машины. Ко мне зашел Дмитрий Иванович.

— Ну вот и хорошо, что дома, — сказал он, — не надеялся застать.

Тут в десятиминутном разговоре узнал я, что очень уж захотелось ему испытать себя в чисто агрономическом деле, чтоб все, что задумал, довести до конца. И вот отказался

от прежней должности и принял довольно-таки захудалое учебно-опытное хозяйство сельхозтехникума. Невелико оно, но что ему нравится — так это возможность работать по своему плану, сообразуясь с условиями и возможностями.

Почти год потребовалось Дмитрию Ивановичу на новом месте для того, чтобы подобрать кадры. Мало ли в хозяйстве требуется людей, знающих дело! И снимать не спешит и выдвигать. Одно дело подобрать людей, другое — найти к ним подход.

Взять того же механика Павла Гущина. Золотые руки! Работящ, вечно изобретает, комбинирует. Но не мешай ему, не указывай без нужды. С ним надо советоваться. Повысь голос — руки у человека опустятся, слушать не станет. Поговори хорошо, как с другом сердечным и, кажется, нет такого дела, которое не довел бы он до ума.

Павла Дмитрий Иванович «перетянул» из той же МТС, где раньше работал сам. Дмитрий Иванович им не нахвалится. И то, что доильная установка работает, а доярки стали мастерами машинного доения — Павла заслуга. И то, что обыкновенная крыльчатка качает воду лучше дорогих насосов — Павла додумка. И то, что дрова пилят в учхозе передвижной циркуляркой — его, Павла, работа. И то, что техника всегда исправна — Павловы старания.

Дмитрий Иванович предлагает Павлу описать все, что он наизобретал — было бы не одно авторское свидетельство. Павел отговаривается, дескать, просто доделываю то, что начато другими, устраняю неудачные решения.

Мне нередко приходилось встречаться с механиками. Глядь: стоит машина в борозде. А дело в пустяковой детали, за которой поехали, чуть ли не в «область». Спросишь, нельзя ли самим что-нибудь придумать? Удивляются. Оказывается, нельзя.

И даже того мало, чтобы изучить чей-то характер. Следует знать, как рос человек, что видел в своей жизни. Вот есть в хозяйстве один тракторист. Сложный характер. А почему? Был нелюбимым сыном. Был обижен, был унижен, недолюблен, недоласкан. Сколько горечи и протеста скопилось, сколько раз дергали за ту чувствительную струну, которая называется «достоинство». Терпел и опять терпел. Вырос, возмужал, зрелый человек теперь, а струна, за которую дергали, осталась повышенно чувствительной.

Обо всем этом говорил Дмитрий Иванович, когда встретились мы в пятьдесят девятом, уже через два года после того, как он уехал из МТС. И еще вот о чем шла речь в тот вечер в гостиничной комнате. «Что такое хозяин?» Что раньше при МТС не было у земли хозяина, так это само собой ясно. А вот теперь, когда у колхозов своя собственная техника и земля, что закреплена на веки вечные, — есть ли теперь хозяин у земли? Дмитрий Иванович утверждал, что во многих случаях пока хозяина еще нет. Пашут и сеют так же, как во времена МТС. Ведь начисляют-то трудодни по-

прежнему за выработку, независимо от урожая. У себя в учхозе заработок он поставил в зависимость от урожая. Гектары гектарами, ими сыт не будешь. Ты дай, дорогой товарищ, хлеб! По хлебу и тебе цена, по хлебу заработок. Вырастил много — много и получишь. За малое и честь невелика.

— Как же ты узнаешь, кто сколько вырастил? — спрашивал я.

— Все можно учесть при желании. Бригада вырастила, положим, тысячу тонн пшеницы. Цена тебе с тонны такая-то.

— Так и тут будет уравниловка.

— Надо учесть, кто как работал.

— Но ведь опять же гектары считать придется.

— Да. Но не для того, чтобы платить за них, а знать, какова доля твоего труда в этом хлебе.

Я усомнился: в бригаде все равно не уследишь за каждым. Два человека, положим, работают на совесть, а третий между ними прячется. А порой, сразу тракторов десять пашет, да еще ночью...

— Ну, ну, — посмеиваясь и постукивая пальцами о стол, сказал он. — И ты, выходит, подумываешь об этом... А мы, знаешь, уже второй год испытываем...

Многие думали и думают об этом. И не все враз и к одному выводу приходят, но ищут и что-то находят. Искали и Дмитрий Иванович с заведующим учебной частью техникума — агрономом Владимиром Лазаревичем Белоноженко.

В пятьдесят восьмом приступили они к интересному опыту, придерживаясь такого соображения: оплата лишь за выработку, без учета урожайности, не зовет человека к творческому, разумному хозяйничанию. Обычно все виды работ переводятся по специальным коэффициентам в мягкую пахоту. Кто больше выгонит таких «мягких» гектаров, тот больше и заработает. В принципе это так же странно, как если бы рыбакам платили не за рыбу, а за то, сколько раз они забросят в воду невод.

Много лет механизатор получал за «мягкие гектары». Привык, приспособился выжимать из них все. А хозяин в нем притупился. Почему? Во-первых, налицо уравниловка — гектары всех в общем-то уравнили. Больше обработал гектаров — молодец! Меньше — нерадивец и прочее. А нерадивец, может, больше другого сделал для урожая, для плодородия земного. Но попробуй докажи, учти это, если всем гамузом и пахали, и сеяли, и убирали. Кто где — не узнать, не установить. Газетные похвалы тем, кто много напахал и насеял в переводе на мягкие гектары, редко подкреплялись урожаем по осени. Осенью же приходилось читать о других героях. Они весной ничем, как будто не отличались, зато осенью получали добрый урожай. Во-вторых, вообще глушилась инициатива починами вспахать и посеять раньше прошлогоднего. Ведь если бы действительно можно было всегда сеять раньше прошлогоднего, то неизбежно когда-нибудь пришло бы время сеять уже в зим-

ние месяцы. Впрочем, был и такой случай в совхозе «Пограничный».

Словом, притупилось в механизаторе чувство «хозяина», и надо было пробудить его во что бы то ни стало.

— И вот, что мы сделали в прошлом году, — рассказывал Дмитрий Иванович. — Одному человеку дали участок в сто пять гектаров. Дали трактор, комбайн и прочую технику. Вот твоя земля. Работай, соображай, прикидывай. Оплата тебе не за то, сколько труда убухаешь, а за то, сколько хлеба дашь.

— Он что — ваш единомышленник? — поинтересовался я. — До конца понимает свою задачу?

— Да. И это, между прочим, очень много значит. Человек должен знать, ради чего приступает к опыту.

Механизатор, о котором рассказывал Дмитрий Иванович, — Антон Дугинцов. Человек как человек. Не великан, конечно. Крепкий, чернявый, слегка скуластый. Прошел в войну от Сталинграда до Берлина. На войне, между прочим, тоже имел дело с техникой — на тракторах и тягачах подвозил бомбы и снаряды.

— Ну, а как сам опыт?

Дмитрий Иванович смотрел на меня с веселой своей усмешкой.

— Да он, брат ты мой, один... сеял сою. Ну, а она в цене, как известно. Четверть миллиона рублей принес Антон нашему хозяйству. Помнишь «Вторую пятилетку» в бывшей нашей МТС? Так вот, в иные годы этот колхоз получал дохода меньше...

В следующем, то есть в 1959, году, Антону дали участок в два с половиной раза больше. Оказалось, что в первый год работал он не в полную силу. Посеял сою, прокультивировал, а до уборки еще три месяца. Что делать человеку? Отремонтировал технику, помогал бригаде, работал на сенокосе. Потому-то и решено было на следующий год не только сою Антону Дугинцову сеять, но и зерновых — полторы сотни гектаров. Дмитрий Иванович говорил, что, пока соя растет, Антон зерновые убирает и пашет зябь. Управится с зерновыми и зябью, подойдет время сое. Весь полевой сезон у него равномерная нагрузка.

Признаюсь: меня очень заинтересовало то, что рассказывал Дмитрий Иванович.

— А мы, между прочим, писали об этом статью, — сказал Дмитрий Иванович.

Статью я тогда не читал, к сожалению. Ее, оказывается, заметили в обкоме партии, звонили и интересовались работой механизатора Дугинцова. Я подумал, что Дмитрию Ивановичу будет теперь поддержка...

Где-то перед новым годом прочитал я новый очерк об Антоне Дугинцове. Урожай сои и пшеницы, полученный им, оценивался в 584 тысячи рублей. Честно говоря, не верилось. Ведь далеко не в каждом колхозе доход составлял полмиллиона. В области, правда, в пятьдесят девятом было уже порядочно колхозов-миллионеров, да и в других колхозах прибавились доходы, так как повысились и закупочные цены. Но... то

колхоз, а то всего лишь один человек. Да и урожай у Дугинцова был втрое выше среднеобластного. Вспомнились слова Дмитрия Ивановича: «притупился хозяин и его надо пробудить во что бы то ни стало». В Антоне Дугинцове, я думаю, и был хозяин, теперь он проявил себя во всем блеске.

Потом уже я узнал, что Антон Дугинцов выходит на простор. Из учхоза он перешел в колхоз, где при его консультации создано несколько комплексно-механизированных звеньев, работающих по тому же принципу, по которому работал Дугинцов в учхозе. Это предложили Дугинцову в обкоме, и правильно поступили, конечно. Опыт затем и ставится, чтобы в случае удачи, дать ему широкий ход. Все чаще в газетах писали о том, что по методу Антона Дугинцова, то в одном, то в другом хозяйстве области организуются комплексные звенья.

Но слышался и ропот. Не только иные председатели колхозов, но и некоторые партийные работники возражали против звеньев. Выдвигали они довольно-таки веские доводы: техники и без того нехватка, а тут надо делить ее, дробить по звеньям. К примеру, в одном звене поломались машины, и дело стало, а у другого звена помощи не допросишься. Нажимать придется и ломать систему. А в бригаде это сам бригадир отрегулирует. И далее: где взять звеньевых, которые бы и в агротехнике смыслили, и в механике, и руководить людьми могли бы? Стоит ли ломать устоявшиеся и отрегулированные формы организации труда и учета? И о такой опасности, как обогащение, говорили. Дугинцов — сознательный, партийный человек. А если попадется звеньевой несознательный? Только и будет думать, что о деньгах.

Снова с Дмитрием Ивановичем мне довелось встретиться, когда в большинстве колхозов и совхозов были уже организованы звенья. Но споры о них не прекращались. В это время я работал в газете, писал о звеньях, которым и впрямь пока не хватало техники. Но были уже такие звенья, которые превзошли Дугинцовские рекорды. Проявлялись по-настоящему способные хозяева.

И вот мы с Дмитрием Ивановичем сидим в моей комнате при открытых окнах. На свет летят ночные бабочки, вдалеке безгласно попыхивает молния-зарница. Иногда по улице пробежит, протарахтит грузовик, запахнет пылью и горелым бензином.

— Эх, лето! А вы живете тут в духоте. То ли дело в деревне! Пахнет сейчас стогами свежего сена. Жеребятки по лугам резвятся... — Был он в хорошем расположении духа. Смеялся, каламбурил. — Ну, теперь я знаю, где живешь. Заставлю тебя писать, как надо.

В городе в то лето бывал он часто. Руководил студенческой практикой, надо было захаживать в техникум, утрясать планы. Поступил на заочное отделение сельхозинститута и уж третий год все отпуска проходят у него на кафедрах и в лабораториях.

Ну, и совещания, семинары, он тоже не намерен пропускать. Люди высказывают дельные мысли, да и свое не хочется держать лишь при себе.

Полушутя говорю, что дело со звеньями спорное.

— Гм... Скажи, что новье обошлось без драки и спора? Хорошо, что спорят.

Из рассуждений наших выходило, что закреплять землю и технику за людьми — жизненная необходимость. Пришло время. И разве не парадокс, что все мало-мальски ценное, обычно закрепляется за кем-то, а земля, конкретно, — ни за кем. Закрепление отнюдь не стимул для частнособственнических устремлений. Рабочий класс — наиболее сознательный класс. Тем не менее, совершенно необходимо закреплять за рабочим станок, машину, инструмент. Мастер отвечает за цех, кладовщик — за склад, капитан — за судно, доярка — за группу коров. А кто конкретно отвечает за тот или иной участок земли? Колхоз или совхоз отвечает вообще, в случае чего и спросить бывает не с кого. Вот и надо, чтоб земля была разбита, как бы на цеха. Ты за этот цех отвечаешь, я — за тот. Причем, земля дело сложное. С налету не все поймешь. Требуются годы. Значит, на годы и закреплять надо людей на участках. Ведь хочешь не хочешь, а дело придет к хозрасчету. Получаешь с урожая, значит, думать будешь, изучать агротехнику, стараться поменьше труда вогнать, пореже машины ломать и все делать вовремя, чтоб и погоду обхитрить и прочие напасты и получить побольше хлеба.

Да, пока еще не хватает техники. Но ведь промышленность из года в год увеличивает выпуск сельхозмашин. Машин будет все больше и больше. Надо теперь уже искать лучшие методы использования богатейших возможностей техники. Комплексные механизированные звенья проросли именно из этой потребности. Ведь некоторые из них дают хлеба больше, чем когда-то давали тракторные бригады МТС. И неизбежно придет время, когда на земле главную роль будут играть классные мастера. Мы идем к этому. И чем меньше будет занято людей в сельском хозяйстве и больше будет при этом хлеба, тем лучше.

Дмитрий Иванович не осуждал огульно и приверженцев бригадной системы. В бригадах тоже наметилась ясно тенденция к высвобождению «лишнего народа». Раньше, например, уборочный агрегат состоял из тракториста, комбайнера и копильщика, теперь на самоходном комбайне все это делает один человек. Число людей сокращается, а потребность в том, чтобы каждый оставшийся на земле человек был всесторонне грамотным и подлинным хозяином, увеличивается.

И еще мы говорили в тот вечер о том, что люди, хозяйничающие на земле без расчета, без ответственности за каждое поле, получать урожай пшеницы стали меньше, чем получали ее, скажем, наши деды. Неподалеку от хозяйства Дмитрия Ивановича, как свидетельствуют старожилы, по

двести — двести пятьдесят пудов с десятины брали, то есть по тридцать — сорок центнеров с гектара. В земельных архивах тех лет отыщется имя амурского хлебороба Саяпина, который в Раздольном брал до сорока центнеров пшеницы с десятины. Значит, может амурская земля рожать, если за ней хороший уход, если хозяйничать с умом.

В чем же причина? Ведь мы должны и можем получать хлеба больше. На нас работает новое время — время двадцатого века с его удивительной наукой и техникой.

Кое-кто объясняет снижение урожайности хлебов в своих хозяйствах тем, что лучшие земли заняли соей, а зерновые сеять придется по менее плодородным землям. Но ведь соя чередуется с пшеницей. Еще говорят, что виновата глубокая пахота. Под сою пахут глубоко, после сои земля идет под пшеницу, а пшеница-де не любит глубокой пахоты. Наши агрономы утверждают, что глубокая пахота пшенице не вредит.

Причина в другом. Не всегда умело хозяйничаем. Вместо научного ведения хозяйства, много еще непродуманных, субъективных решений, нарушающих агротехнику. Надо приноровиться к земле, к срокам и погоде, к сортам семян. Надо научиться брать все, что выращиваем, ибо выращиваем мы гораздо больше, чем собираем. Сделать это можно только в том случае, если работать из года в год на своем поле, как работает у станка или мартена токарь и сталевар. Ставят они рекорды не раньше, чем хорошо изучат технику, приноровятся к ней. А земля, конечно, не проще.

— Ты вот что, — сказал на прощание Дмитрий Иванович, — соберись-ка да приезжай ко мне. Посмотришь.

И я собрался. День стоит солнечный и тихий. В автобусе, в шуме мотора и разноголосом говоре то и дело слышишь названия знакомых сел. Тамбовка, Полтавка, Раздольное...

Рядом со мной сидит старик и поясняет:

— Вот говорят: Полтавка. А знаешь, почему так названо село? Ну, так вот. Лет сто назад приехали с полтавщины в наш Амурский край крестьяне-переселенцы и осели, как раз там, где сейчас стоит Полтавка. Потом появились еще полтавские и обосновали две новых Полтавки. Стало их три — Верхняя, Средняя и Нижняя. И Тамбовка так же произошла, от тамбовских, значит...

Старожил раздумчиво поднимает детски безмятежные глаза, переставляет батожок, на котором покоятся его темнокожие, отработавшие свое руки. На мой вопрос, почему, к примеру, Раздольное названо так, ответил не сразу.

— Кому как по душе, молодой человек. Каждый хочет, чтоб то место, где корни пускать, покрасивше называлось, чтоб, значит, сердцу любо было...

Мне кажется, я понимаю старожилу. Может он тоже из тамбовских, нет-нет да и вспомнит свое родное село. Я знаю многих, кто «насовсем» уезжал с Амура, а через

год-другой опять возвращался сюда и объявлял, что не отпускает от себя Амур.

Могучи и своеобразны наши реки — Амур и Зея. Нигде не выпадает в году столько солнечных дней, как у нас на Амуре. А осень. Что за осень в наших краях! В Сибири уже морозы и снег, на западе хмурь и слякоть, а у нас весь сентябрь и октябрь тепло и ясно. Везде уже «на нивах шум работ умолк...», а у нас в полях рокочут тракторы, комбайны убирают сою. Нигде я не видел и столько перелетной птицы, как на Амуре. А сколько видов рыб встречается в здешних реках!..

Осенью приходилось мне бывать в наших кедровых и кедрово-широколиственных лесах. Ошеломляет буйство растительности, обилие и яркость красок. Мой знакомый ботаник называл мне множество трав и деревьев, которые в других местах вообще не встречаются. Впрочем, обо всем этом написано уже много очерков, книг.

Снова думаю о первых переселенцах в эти места. Мужик-то был «пришлый», не совсем еще укоренившийся. А вот спроворил. И погоду здешнюю обхитрил, и нашел единственно верное, здешнее обхождение с землей. И земля родила хлеб. Много хлеба! Так чем же мы хуже? Земля-то ведь та же, а сил у нас вдесятеро больше.

Великое дело сделали и теперешние амурские земледелы. Они научились выращивать сою. Когда-то о сое на Амуре лишь упоминалось. В последнее же десятилетие посевы ее увеличились со 125 тысяч гектаров до 600 тысяч. Сбор поднялся с 647 тысяч центнеров до 3392 тысяч центнеров в 1963 году.

В селах, через которые пробегал автобус, в буйной пышности доцветали черемухи. Мысль невольно возвращалась к тем русским людям, что пришли сюда, почитай век назад, обжили и подняли дремавшую втуне землю. Вместо изгородей окопали усадьбы канавами и насажали по их откосам диких яблонь, черемух и тополей. Сейчас почти все старые огороды и околицы окружены хоровами черемушника, яблонь-дичков, тополей, берез.

Командировка моя продлится дня четыре. Надо побывать в нескольких хозяйствах и разобраться, как там идут дела с уходом за посевами. Попутно отдел культуры просил написать что-нибудь о красоте наших сел. Честно говоря, это поручение мне по душе. Я готов осмотреть каждый резной карниз, ставни, наличники. И не раз поражался искусству безвестных мастеров, украсивших резными узорами карнизы старых домов. Много раз проходишь мимо такого дома, не замечая ничего особенного, и вдруг увидишь: стоит перед тобой сказочный терем, посерел от времени, поблек, но как красив в своих замысловатых и таких соразмерных, таких национальных узорах! Все из того же дерева. Давно уже нет в живых мастера, а то, что осталось после него, до сих пор волнует и радует нас.

В амурских деревнях старые дома почти все с узорчатыми карнизами и под цинковой рифленой крышей. Такие дома сохра-

нились прекрасно, хотя многим из них уже лет по пятьдесят — шестьдесят.

Тут же улицы из новых домов. Многие из них стоят на литом фундаменте, с крутой крышей из шифера или крашеного железа, с большими окнами в нарядных наличниках и ставнях и глядят на нас весело и зазывно.

А ведь было время, когда за собственными усадьбами и домами люди как бы перестали следить, заботиться. Строили мало-мало.

— Теперь в амурских селах строят много. Радует, что поднимаются здесь белокаменные здания в орнаменте и колоннах — клубы, дома культуры. Заметишь их еще издали, они как бы главенствуют в селе и объединяют вокруг себя все краски и линии. Но и эти здания разные. Один председатель выберет такой проект, другой этаким. И это хорошо. И грустновато становится, когда видишь рядом бездушную казенность улицы, обставленной хотя и новыми, но страшно одинаковыми домами. Но и вокруг них шумят уже молодые березки, топольки и черемушки, разбиты палисадники. Да и сами дома постепенно преобразуются по усмотрению хозяев — то карниз резной появится, то веранда под стеклом, то окрасят их в зеленый или желтый цвет. И веселее становится на улице и веришь: поселились тут хорошие люди и надолго.

Есть, впрочем, и такие дома, что потемнели уже от времени, а ни кустика рядом, ни деревца, ни скамеечки. Разве только столб вкопан в сторонке да тянется к дому в одну нитку проволока с уличной стороны. Стоят такие дома, точно голые на миру, и наводят скуку. То ли жильцы в них не задерживаются, то ли ленивы непомерно.

Но это — частности. А вообще-то есть немало красивейших сел и деревень в амурской степи, особенно на исходе ее, где начинаются леса и сопки.

Сельцо, где живет Дмитрий Иванович, небольшое — дворов тридцать пять. Однако тут обширный хорошо крытый зерновой двор, вдоль улочек посажены молодые клены и тополя, улица и отвилки от нее заграждены, чуть в сторонке виднеются корпуса фермы.

Как шутит Дмитрий Иванович, живет он в самом центре науки и практики. На восток от него — хозяйство сельскохозяйственной опытной станции со специальным многоотраслевым штатом научных сотрудников. С запада к учхозу примыкает учебно-опытное хозяйство Благовещенского сельхозинститута, располагающее почти десятью тысячами гектаров пахотной земли и по существу представляющее совхоз с четырьмя отделениями. Институтские аспиранты и кандидаты наук ведут здесь свои опыты, обучают студентов лучшим приемам хозяйствования. С северо-запада находятся земли совхоза Волковский, у которого тоже несколько отделений. Соседские земли кольцом смыкаются вокруг угодий учхоза, где работает Дмитрий Иванович.

Он ведет меня показать свои владения.

Стоит жара. Постройки виднеющейся километрах в трех опытной станции и высокие ее тополя, как бы отделяясь от земли, колеблются и приплясывают в зыбком стеклянностуденистом мареве. Где-то вверху над нами тихо позванивают пчелы, ликующе, взахлеб заливаются жаворонок. Белокрылый лунь зигзагами плывет над яркими зелеными, нацелив черную голову отвесно вниз. Вдалеке движется чуть видимое облако пыли и краснеет «Беларусь». Все здесь ослепительно ярко и чисто. Эта яркость и чистота идет от зеленей. Чистые зеленые поля, чистое голубое небо, чистый белый лунь над зелеными, чистые, кротко и ласково глядящие в небо разводья дальних озер и лиманов.

Легкий на ногу Дмитрий Иванович шагает не спеша, словно бы на прогулке. За каких-то два часа прошли мы километров десять по разным полям и дорожкам. Иногда Дмитрий Иванович идет прямо пахотой, а под ногами оказывается довольно-таки твердый грунт. Эти места знают только он да трактористы. Тут специально оставленная межа. Иногда он присаживается и не спеша копает землю, обнажая корень пшеницы или ячменя. Осмотрит и загребет опять землей. Когда он идет, то руки его, заложенные за спину, темнеют ладонями, припудренными землей. Он рассказывает мне где и как сеяли.

Отсеялся за короткое время. Соседи начали много раньше и жали «на все педали». А он ждал свое время. Он не согласен с тем, что, чем раньше посеешь, тем лучше. Начал он позже, а закончил раньше других.

Посеять можно и очень рано, но зерно все равно будет лежать до настоящего, устойчивого тепла. Лежать ему иногда приходится целый месяц. Тем временем орудуют суслики и птахи разные. Пасутся по полям прилетевшие на жировку стаи диких гусей и уток. Идет гусь вдоль рядка и выгребает плоским своим носом отборную пшеничку. Когда откроется охота и начинают тревожить перелетную дичь, немало уже семян оказывается в зобу. По мнению Дмитрия Ивановича, тут двойной вред. Зерно высевается протравленное, и птицы, наевшись его, либо долго болеют, либо гибнут. Больную птицу легче берут хищники. Нередко трактористы находят гиблую птицу. Фазанов вообще становится все меньше и меньше на наших полях. Выходит, с одной стороны — вред посевам, с другой — самим птицам.

Но главный вред сверхраннего посева вот в чем: слишком рано высеванное зерно нередко поддается провокациям погоды. Бывает: вдруг потеплеет настолько, что зерно дает росток, а тут опять ударил заморозок. И так повторяется несколько раз. «Спровоцированное» зерно загнивает и погибает, либо дает слабые всходы. А пока зерно ждет своего времени, сорняк уже пророс, поднял голову и пожирает питательные вещества, а потом начисто глушит посева. К тому же слишком ранний посев сопровождается сильным битьем техники. Ведь сеять

начинают, едва оттает сверху. Мерзлую землю не разборонишь как следует за один заход, приходится по несколько раз гонять машины по одному следу, жечь лишнее горючее, тратить лишнее время и труд, а в итоге недополучить тот хлеб, который бы мог вырасти.

Но почему же все-таки сеют так рано? Во-первых, это своего рода организационная затравка, на которую можно ссылаться, когда придется нажимать на отстающих.

Иные организаторы сверхранних посевов ссылаются на подлинные документы давних лет, где значится, что и тогда на Амуре старались сеять, как можно раньше. В брошюре, изданной переселенческой организацией Амурского района в 1914 году, отмечалось: «...Амурские старожилы никогда не выжидают, пока окончательно установятся теплые весенние дни: лишь только земля оттает настолько, что ее можно обрабатывать, крестьяне уже начинают сеять; опыт показал, что ранние посева всегда более равномерны, хотя зерно может и долго пролежать в почве, и большей урожайности. Первоначально всегда и везде сеют ярицу, в средних и последних числах апреля. Непосредственно после ярицы и наряду с нею сеют пшеницу. Отсеявшись с этими хлебами, приступают к посеву ячменя, льна, проса и овса. Посев овса в некоторых селениях затягивают до июня и тем не менее овес успеваает вызревать и дает хорошие урожаи...»

Итак: в средних и последних числах апреля. Кажется, нет никакой разницы. И теперь, в большинстве, сеют в средних и последних числах апреля. На самом же деле мы начинаем сеять на полмесяца раньше, так как тогда календарь велся по старому стилю.

В согласии с опытом старожилов, Дмитрий Иванович придерживается испытанных сроков сева. Он выгадывает не только потому, что больше семян высевает с пользой для дела, но и во много меньше тратит при этом сил, горючего. И сеет, конечно, лучше. К тому же, вопреки существующей установке, зябь в учхозе обрабатывают еще с осени, когда она талая. Установка рекомендует оставлять зябь неборощенной до весны. Почему? Потому что пласты земли лучше задерживают снег на полях. Дмитрий Иванович считает, что для условий Амурской области это вопиющий шаблон. Весь снег у нас под солнечной радиацией — буквально испаряется еще до того, как потеплеет. К весне пласты и глыбы так умерзают и усыхают, что их за один заход никак не разборонишь. Уйма времени, труда и горючего летит в трубу. На зяби же, обработанной с осени, то есть выравненной, лишенной глыб и пластов, труда и времени на предпосевную обработку уходит гораздо меньше. Посев ровней, семена не пропадают впустую. А поскольку перед посевом взшедший сорняк убивается боронованием, то вперед всходит хлеб и не сорняк глушит хлеб, а он его. Урожай в итоге куда выше,

чем на сверххранних посевах. И стоит такой хлеб, конечно, дешевле.

Но, выждав время, в хозяйстве не дремлют. Тут все будет поставлено на ноги. Сеют круглые сутки. К тому и люди приучены.

И сою Дмитрий Иванович посеял не раньше всех. Уже пророс, поднялся сорняк. И вот все было проборонено, вычесан сорняк, и соя легла в теплую и чистую постель.

Я сравниваю. Область зерновые сеяла около месяца. В учхозе — неделю. Сою сеяли с пятнадцатого мая по десятое июня — тоже почти месяц, а здесь — двое суток. Даже по одним только затратам времени можно судить, у кого хлеб выйдет дороже, а у кого дешевле. Время — золото!

Слева тянется неширокая падь с горелыми кочками, на которых уже выросла осока. Между кочек поблескивает рыжеватая вода с маслянистыми пятнами цвета побежалости.

Когда-то в МТС мы каждый год давали заявки на болотные фрезы. Хотелось нам поправить зейские заливные луга.

Вспоминая об этом сейчас, Дмитрий Иванович говорит, что найден, кажется, другой способ. Дотошный механик Павел приспособил для фрезерования старые гусеницы от трактора «С-80». Сцепка из гусениц — ребрами вниз крепилась на сварной треугольной раме из рельса. «Ребра» при таком расположении становились под углом к ходу трактора и копировали работу лемешков. Прошлись по кочкам. Крупные не поддались, а те, что были пореже и помельче, срезались начисто. Так был устроен хороший луг совсем неподалеку от фермы.

— Ну, а теперь смотри внимательно, — говорит Дмитрий Иванович.

Перед нами лежало поле с зелеными в полколono. Я присматривался и ничего пока не замечал особенного. Дмитрий Иванович посоветовал присесть. Я присел, пригляделся и пришел к выводу, что пшеница посеяна квадратно-гнездовым способом. Дмитрий Иванович засмеялся и сказал, что это просто гнездовой посев. Ведь есть пунктирные сеялки! Например, для посева свеклы. Отрегулировали и — пожалуйста.

— А что это вам даст?

— Тут гектар. Семян ушло вчетверо меньше той нормы, которой везде придерживаются. А что это даст... Посмотрим. В прошлом году с такого гектара получили восемнадцать центнеров пшенички. Выиграем мы за счет кущения. Ты вот в гнезде видишь целый пучок стеблей. В обычных посевах пшеница у нас плохо кустится. А вот при таком, гнездовом, — пожалуйста. А колос? А?..

Он просил пока не трубить об этом. Ведь год на год не приходится, да и вообще потребуется немало лет, чтобы все испытать и проверить. Смотрели этот посев ученые соседи и не признали. Ты, дескать, создал тут особые условия. И посеял-то не по той методе, какая для опытов требуется, не на грядках, а сразу вон на какой площади. Дмитрий же Иванович к грядкам вообще

без особого энтузиазма относится. Опыт опыту — рознь. Он считает, что испытывать в условиях, близких к производственным, — важнее, чем на грядках.

Зерно от гнездового посева получилось литое, очень крупное. Да еще его можно и откалибровать. Напрашивается вывод: семена, может, так вот и следует выращивать.

Не признавали пока ученые и его метода обработки зяби. В рекомендациях, разработанных сельхозуправлением, опытной станцией и сельхозинститутом, зябь должна была обрабатываться так: после уборки зерновых стерня лушится, чтобы, во-первых, изрезать зеленый сорняк и корневища; во-вторых, взрыхлить верхний слой и перемешать с пожнивными остатками, что создаст благоприятные условия для провокации уже вызревших и осыпавшихся семян сорняка. Потом надлежит обождать дней десять—двенадцать, пока прорастет побольше этих семян. Лишь после этого должны приступить к пахоте. А вспахав, боронить не следует до весны.

Дмитрий же Иванович пашет немедленно вслед за комбайном, не теряя две недели дорогого времени. Что касается провокации сорняка и борьбы с ним, то непосредственно вспашкой тоже убивается все, что росло в стерне.

Как бы то ни было, а поля в учхозе много чище и культурней, чем у соседей. Зяби здесь напахивают больше — урожай выше, а затрат несут меньше. Да и вообще хозяйство это прибыль дает, а соседи пока что в убытках. А если бы они к тому же не получали двойную цену за сортовые семена, то убытки были бы и того больше.

Я предлагаю Дмитрию Ивановичу написать об этом, но он отказывается. Соседское дело. Неудобно. К тому же опыты не всегда окупаются, а опытов у них много. Так что может необъективно получиться.

В хозяйстве у него свой пятипольный севооборот, своя агротехника, чего нет в других хозяйствах.

Когда повысились закупочные цены на сою и хозяйственники убедились в полезности этой культуры — от нее и масло, и жмыхи, и хорошая кормовая солома, и землю она удобряет — посевные площади под соей в области все больше начали расширяться. Она заняла почти столько же земли, сколько зерновые. Если бы соя родила по сое, то, очевидно, ее бы еще больше сеяли. Но, как для сои, так и для зерновых нужен плодосмен. Обычно, зерновые хорошо родят после сои, а соя — после зерновых. Казалось бы, чего лучше? Заведи два поля — и все в порядке, меняй местами каждый год сою с зерновыми. Собственно, так и распоряжались руководители многих хозяйств. Но в том-то и беда, что поменять местами в одном году удается лишь незначительную часть посевов зерновых и сои. Сою в массе убирают при заморозках, когда зябь подымать уже нельзя. А поскольку соевища с осени не вспахиваются, то па-

хоть приходится весной. И, конечно, зерновыми отсеваются до вспашки соевищ, занимают ту самую зябь, что пахалась после зерновых же. А сое остается та земля, где она росла раньше. Таким образом, больше половины зерновых и сои из года в год не получают плодосмена. Монокультура или, как говорят колхозники, однополка. А уж это — верх земельного бескультурья.

Известно, что на хороших, чистых землях, где соблюден плодосмен, иные хозяйства Амурской области получают по 20 центнеров зерновых и до 15—20 центнеров сои. В учхозе после чистого пара получают по 25—27 центнеров хлеба и по 15—18 центнеров сои. Вот он, резерв! Но как его взять если настоящего плодосмена не получается, если пары держать не в моде и земли засорены. Ведь не случайно же в последние годы урожайность как сои, так и зерновых остается на одном уровне.

Урожайность хлебов как бы принесена в жертву сое. Но ведь и соя дает гораздо меньше того, что может дать. Так как же быть? Нужен севооборот настоящий. В учхозе он — пятипольный с парами как чистыми, так и занятыми. В среднем гектар земли дает 14—17 центнеров хлеба и 10—12 центнеров сои.

— Между прочим, — говорит Дмитрий Иванович, — и при двухполке можно получить больше, если не спешить чрезмерно с севом. Спешка приводит к тому, что зерновые по зерновым идут, соя — по сое.

В самом деле. Если придерживаться сроков, которые старожилы считали ранними, то многие хозяйства успевали бы вспахать и подготовить к посеву зерновых прошлогодние соевища. А сое доставалась бы земля из-под зерновых.

Но лучше, конечно, твердый севооборот. А чтобы завести его, надо часть земель выделять для пара ежегодно. Пар — чистилище от сорняков.

Практики утверждают, что в пар сейчас необходимо пустить не меньше двадцати процентов земель, поскольку пашни засорены. Между тем оставляем под пары не больше 7—10 процентов. Если речь вести о пятипольном севообороте, то эти десять процентов составят лишь половину одного поля. Какой же это севооборот? Ведь тут потребуется не меньше десяти лет, чтобы все поля прошли через чистилище.

Однажды студент, защищавший дипломную работу, сослался на техникумовский учхоз как на образцовое хозяйство и заодно сравнил его с соседями, где урожай и себестоимость хлеба не дотягивают до показателей техникумовской земли. Выводы студента отвергли. Там, в учхозе, каких-то полторы тысячи гектаров пашни, а тут около десяти тысяч! В небольшом хозяйстве, конечно, можно получать высокие урожаи...

И вот напрашивается вывод: что же выгоднее? Большие хозяйства или в меру?

По мнению Дмитрия Ивановича, в чрезмерно укрупненных хозяйствах, где директору трудно самому вникнуть в положение

дел каждого участка, фермы, да к тому же еще разбросанных на большой территории, слабо реализуется умственный, творческий фонд коллектива, не реализуется полностью энергия и способности людей.

Дмитрий Иванович много читает специальных журналов. В том числе, и о заграничном сельском хозяйстве. Он следит за одним хозяйством в ГДР. Руководит им доктор наук и получает по сорок—пятьдесят центнеров зерна с гектара. Прекрасный результат. Но ведь и у нас на Амуре он вполне достижим, если хозяйничать разумно.

Мне в командировках приходилось беседовать с агрономами, председателями, директорами, парработниками. Иной вздохнет и спросит: «А что изменилось? Агроном хочет поменьше сажать овощей, но побольше взять урожай, чтобы план выполнить, и труда лишнего не гробить, и землю зря не занимать. А ему предписывают непременно увеличить площадь. Он хочет какое-то поле под пар пустить, чтобы с сорняком расправиться, а ему запрещают «разводить ленивую площадь».

Давала тогда знать себя пропашная система земледелия, вообще отрицавшая чистые пары. И невдомек будто, что та же площадь на следующий год после пара заплатит втрое да и еще несколько лет будет щедрее родить.

Со времени двадцатого съезда КПСС, конечно, многое изменилось к лучшему. Но я и теперь порой встречаю яростных защитников крутых мер. «Приказ и — точка! Выполняй и не рассуждай!» — то есть не думай своей головой.

В наших местных газетах, под рубрикой «Переключка звеньевых», часто упоминается Антон Дугинцов. Он давно признан вожаком комплексных механизированных звеньев. С ним советуются, на него ссылаются. Выступает он теперь от имени Волковского совхоза, в состав которого вошел и бывший колхоз «Дружба», где поначалу организовывал звенья Антон. (Недавно Антону Дугинцову присвоили звание Героя Социалистического Труда).

Жаль только, что в печати не упоминается о том, что вышел-то Антон Дугинцов из учебно-опытного хозяйства сельхозтехникума, что первыми его наставниками были Владимир Лазаревич Белоноженко и Дмитрий Иванович Белько.

По-деловому решают в учхозе проблему кормов для животноводства. Налажен зеленый конвейер. Кукурузу они сеют не квадратами и не в чистом виде, а рядами и в смеси, и не в один срок, а в несколько.

Обычно же в хозяйствах области сеют в один ранний срок. Потом не все оказываются в состоянии убрать кукурузу на силос вовремя — в конце августа — начале сентября. В это время все силы обычно брошены на дожинки хлеба и подъем зя-

би. Кукуруза переставляет, поддаваясь холодам, желтеет и теряет лист.

Поскольку початки все равно не вызревают до конца, Дмитрий Иванович не старается сеять кукурузу рано. Сначала высевает подсолнечник в смеси с соей и горчицей. Потом уже — смесь кукурузы, подсолнечника, сои и горчицы. Немного позже — опять такую же смесь. Первая деляна подходит к уборке в июле, когда зацветает горчица и подсолнечник. В хозяйстве в это время нет напряжения и можно без горячки заниматься силосом. В начале и середине августа подходят другие деляны, и они тоже убираются без ущерба другим работам. К тому времени, когда другие хозяйства приступают к кукурузе, в учхозе заложен уже весь силос, да к тому же — наивысшего качества. Этот конвейер помогает держать равномерную нагрузку в течение всего лета.

Дмитрий Иванович уверяет, что и поздняя, хорошо посеянная кукуруза успевают по массе догнать раннюю, поскольку она сразу попадает в отличные условия — тепло и влажно. Из самой же смеси, к моменту уборки, получают такие буйные заросли, что ни пешком, ни на лошади сквозь них не проредешься. В среднем конвейер дает двадцать пять тонн чистого силоса с гектара.

Кроме того, горчица и подсолнечник дают хороший взятки для пчел. В самом севообороте конвейер показывает себя удачным предшественником для пшеницы и хорошо очищает поля от сора — буйная его масса не дает развиваться сорнякам. После уборки земля может быть немедленно вспахана на зябь.

Его конвейер дает в среднем на пять тонн больше массы на гектаре и вдвое больше кормовых единиц, чем кукуруза, выращенная в чистом виде. И притом — в несколько раз дешевле. Кукурузу в чистых посевах несколько раз культивировать надо, а к смеси с соей в учхозе не прикасаются от посева до уборки.

Рекомендует Дмитрий Иванович своим соседям завести у себя такой же конвейер. Почему-то не соглашаются, а зимой опять покупают у него силос.

Иногда в печати появлялись статьи Дмитрия Ивановича. Однажды, помню, я готовил его статью об удобрениях. Удобрений хозяйства области стали получать больше, хотя еще недостаточно. Рассевали их либо «вертолетами» — лопастными устройствами вроде вентиляторов, смонтированных на кузове прицепной тележки, либо с помощью авиации. И то и другое, по мнению Дмитрия Ивановича, — расточительство. Что получается? Удобрения высевают прямо на поверхность поля. Если вслед за этим пахать, то они сбрасываются на дно борозды, если боронить, то лишь слегка закрываются землей, часть их, конечно, выдувают ветры и смывают талые и дождевые воды. И так и этак удобрения не дают той пользы, которую могли бы дать. В одном случае основная масса корней, питаю-

щих растения, оказываются ниже их, в другом — выше. А надо, чтоб удобрения были как раз у корней.

Дмитрий Иванович предлагал вносить удобрения вглубь, то есть в тот слой, где развивается больше всего питающих корней. Механик учхоза Павел Грушин придумал и устройство, при помощи которого при вспашке одновременно высевается и заделывается на должную глубину удобрение. Все обходится притом дешевле, чем применение авиации, и пользы больше.

Статья была напечатана, но большая часть ее не прошла. Эта часть касалась севооборотов.

В областной газете печаталось много материалов о том, как лучше платить механизаторам. Большинство авторов сходилось на том, что за плановый урожай должна быть одна цена, за сверхплановый — другая, значительно выше первой. И это будет выгодно.

Хозяйство учхоза давно уже хозрасчетное. Помню, как-то после отчета Дмитрий Иванович довольно сказал, что нынче каждый рубль, вложенный в производство, принес восемьдесят копеек прибыли. Конечно, год на год не приходится. В иные годы было и меньше.

Полевое звено учхоза самоуправляемо и самоконтролируемо. С тех пор как здесь делал первые шаги Антон Дугинцов, в хозяйстве непрерывно совершенствуют оплату и управление. И раньше заработок звена от урожая зависел, но в расчет принимались и средние выходы. Больше выходов на работу — больше причитается человеку. Но выход выходу рознь. Можно выйти в поле и работать абы как. А за каждый выход одна цена. Заработок механизатора зависел таким образом не только от того, как сам он работал, но и от того, как работали его товарищи. Тогда решили выходом считать только работу в поле — когда она сделана на совесть и затрачена с пользой для урожая. Выход — это не меньше семи часов работы. Словом норма-смена. Простой и ремонты по вине тракториста не оплачиваются. Пусть лучше следит за машиной. На месяц каждому дается определенный лимит нормо-смен. К примеру, двадцать пять. Рассчитывают их так: на тракторе «С-80», положим, за смену надо вспахать десять гектаров. А ты вспахал за день двадцать. Вот тебе и два выхода. Если ты вспахал за это время всего четыре гектара, то 0,4 выхода. Подсчет ведут сами звеньевые и члены звена.

Сначала при учете полевых выходов выплачивали в виде аванса семьдесят процентов месячного заработка, рассчитанного от планового урожая. Остальные двадцать выплачивали, если выполнен план. Делалось это в конце года при окончательном расчете. При новом же порядке, который гарантировал хорошую работу, решено выплачивать все, что зарабатывал человек в течение месяца или декады. На первый взгляд, какая разница? Ведь и в МТС пла-

тили по существу за нормо-смены трансформированные в гектары мягкой пахоты.

Разница огромная. Тогда механизатору было безразлично — будет хороший урожай или нет. Ему в любом случае выдадут «гарантийные». А теперь главным критерием заработка выступает урожай. Можешь хоть тысячи гектаров мягкой пахоты выгнать, а не будет урожая — ничего не заработаешь. В связи с этим произошла и своеобразная эволюция сознания у людей, занятых хлебом. Воспитывается более толковый, более расчетливый хозяин земли.

Случалось, что в горячую пору сева или уборки механизатор выгонит вдвое больше запланированных на месяц выходов. В учхозе и в этом случае выплачивают ему за них полностью. Иные работали, как говорится, не щадя живота и зарабатывали немалые деньги. Но это не во вред урожаю. Раньше в учхозе механизаторы не всегда укладывались с севом в лучшие сроки. Теперь не только укладывались, но еще требовали дать им дополнительную работу. А при нашем дальневосточном малолюдье это разве не важно? Разве мало в хозяйстве всяких работ? Кроме выходов в поле, люди в учхозе работали еще и по нарядам, на строительстве, к примеру.

Можно и в других хозяйствах области наблюдать любопытные изменения, обусловленные новой организацией труда. Когда в колхозе «Заря» утвердились звенья и наладился первоначальный хозрасчет, механизаторы уже не нуждались в подталкивании со стороны. Раньше руководителю надо было гонять на мотоцикле из бригады в бригаду, что-то организовывать, давать разгон, упрашивать, теперь в этом отпала нужда. Зато у них появились совершенно иные функции. Нужно успевать разворачиваться со снабжением звеньев элитными семенами, горючим, машинами, запчастями. Надлежало и по-другому учиться разговаривать с людьми. Нужно было рассуждать хозяйственно, экономически. В конце года, если доход превышал плановый, то люди изрядно получали еще сверх того, что уже заработали.

Звенья заставляли руководителей искать новые формы учета и отчетности. В Волковском и Ерковецком совхозах ликвидировали больше десятка учетных форм с сотнями показателей. Учет упростился и ближе стал к практике.

После мер, намеченных мартовским и сентябрьским пленумами ЦК КПСС, дело и в совхозах меняется именно в том направлении, чтобы люди больше советовались и во главе дела стоял хозрасчет.

Но вернемся к звеньям. Споры о них не прекращаются. Сторонники бригад доказывают, что техника у них дает больше эффекта. Тут для каждого члена бригады одна машина — трактор так трактор, комбайн так комбайн. А в звеньях зачастую за одним человеком закреплено по две машины — и трактор и комбайн. Комбайн работает, трактор стоит. Трактор работает — комбайн стоит.

Сошлюсь снова на пример учхоза. Когда там меньше было техники, то почему-то не хватало и механизаторов. На каждый трактор требовалось по два тракториста, а порой еще и с помощниками, чтобы работать в две смены. На шести тракторах работало двенадцать человек. Часто ломались машины, много было простоев. Теперь в учхозе десять тракторов различных марок, а обслуживает их всего шесть человек. Нагрузка на машины уменьшилась, ответственность людей за машины возросла, поломок почти нет, со всеми работами управляются вовремя. Правда, в горячее время трактористы работают порой по две смены кряду. Но это по их собственному усмотрению: день летний — год кормит.

Есть и другой аргумент у защитников бригад. Себестоимость. При обилии техники на полях будто бы возрастает себестоимость, так как и машины деньги стоят, и горючего они больше жгут, и запчасти расходуют. Не вдаваясь в тонкости экономического анализа, приведу итоговые данные. Самая выгодная себестоимость зерна вот уже несколько лет в звеньях типа дугинцовских — от четырех до пяти рублей за центнер.

А вот цифры по учхозу и соседним хозяйствам: 3 рубля 85 копеек стоит центнер хлеба в учхозе сельхозтехникума; 6 рублей 63 копейки — в совхозе Волконский; 10 рублей — в учхозе института «Грибское»; 8 рублей 32 копейки — на опытной станции. Такая разница почти каждый год, а насыщенность техникой в учхозе техникума выше. Наверно, когда в достатке техники все работы выполняются в лучшие сроки — и в этом-то причина того, что хозяйство получает в итоге более высокий урожай, меньше несет потерь, меньше затрачивает и человеческого труда на центнер продукции.

Идет зональное совещание соеводов. Всех тревожит одно: как дать больше сои и очистить поля от сорняков. Собственно засоренность находится в прямой зависимости от величины соевого клина. С расширением посева сои сильно пострадала культура полей. Об этом сейчас говорят представители ученого мира и практики из Приморского и Хабаровского краев, Амурской области.

Дмитрий Иванович у себя в учхозе проводил опыты. Там, где соя чередовалась с зерновыми, где была зябь, обработанная с осени — на квадратном метре в пахотном слое обнаруживалось 200—220 различных семян сорняка. Там же, где не было плодосмена и зяблевой вспашки с последующей предпосевной обработкой, — число сорняковых семян достигало 4000 и больше. Тут удивляться надо не тому, что плохо уродила соя, к тому, как она еще может давать по три—четыре центнера бобов! Большая часть соевых полей в области да и в соседних краях дает вот такой мизерный урожай. Между тем возможности сои гораздо выше — может она дать до сорока центнеров

с гектара. Следовательно этой культуре надо помочь. Но как?..

Спросите любого агронома, и он вам ответит: надо ввести в севооборот необходимую площадь пара. Разве не ясно, что и хлеба и сои тот же гектар давал бы втрое—вчетверо больше? Но завести пары — это значит часть земли отобрать и у сои, и у пшеницы. Это значило бы «сократить». На сокращение планирующие органы еще не идут. Значит, практически нельзя пока наладить и севооборот.

Выступает Дмитрий Иванович. В его хозяйстве вот уже семь лет твердо соблюдается пятипольный севооборот. Здесь не чурались чистого пара, как наиболее надежного пока средства борьбы с сорняками. В 1964 году в хозяйстве получили по 17,1 центнера зерновых. Соседи собрали много меньше: учхоз «Грибское» — по 11,4 центнера; Волковский совхоз — 12,9; селекционная станция — 11,4 центнера. В шестьдесят пятом, неблагоприятном году в учхозе сельхозтехникума зерновых взяли по 14 центнеров с гектара, селекционная станция — по 12,7, Волковский совхоз — по 11,1, учхоз «Грибское» — по 8,5 центнера. А ведь это, так сказать, научно-показательные хозяйства. В среднем же по области урожай получен гораздо меньший.

Дмитрий Иванович полемизирует с «расширенцами».

— Давайте сначала наведем порядок на старопашотных землях, на тех, куда загнали столько труда и средств. Потом уж будем наступать планомерно и на целину. Ну давайте порассуждаем...

Идет совещание, спорят люди о механической мощи и размерах площадей, а я вспоминаю, как из Сибири и с Урала каждый год привозят к нам на Амур комбайнеров на уборку хлеба и сои. Иногда приезжают они и со своими комбайнами. Большую часть времени, конечно, приравниваются к нашим условиям, особенно — к сое. Им платят командировочные — гарантийные, так сказать, пользуются их питанием, жильем, выплачивают заработок. Все это немалые и не всегда оправданные расходы.

Совещание закончилось. Приняли решение — в ближайшие годы завести севооборот. Пары, однако, не прошли. Вот и посовещались...

Зимой этого года встречались мы с Дмитрием Ивановичем довольно часто. Он заходил ко мне то по-деловому озабоченный, чуть огорченный, то радостный. Зависело это от того, как шли дела. Пришел как-то, уселся на диван, сложил руки на груди и этак с сожалением покачивает головой:

— А все некогда было. Все некогда...

Оказывается, готовился Дмитрий Иванович сдавать философию для кандидатского минимума.

Однажды он ввалился веселый и шумный. Бросил портфель на диван, разделся и, потирая руки, признался:

— Немецкий сдал! А? Никогда раньше не думал об этом и вот-те на! А главное-то вот что...

Радовался он, оказывается, тому, что утверждено наконец положение о том, чтобы не снимать прибыли с совхозов и учхозов, как было раньше, а оставлять их в распоряжении самого хозяйства. А то каждый год учхоз получал прибыли, и каждый год они отдавались кому-то другому, кто несет убытки. Он, тот убыточник, разоряет государство, а тут люди работают на совесть. А выходит и им от этого и государству никакой пользы, потому что пользу эту пожирает убыточник. Плюс на минус — ноль в итоге. А хотелось и то построить и это, чтобы люди радовались, видели, что не зря работают.

Как-то Дмитрий Иванович показал мне горсть зерна. Зерно было крупное, с янтарно-матовым отливом. Убедившись, что я оценил его по достоинству, он запустил руку в другой карман и вынул еще горсть пшеницы. Внешне она ничем почти не отличалась от той, что показал он сначала. Вся разница была в величине зерен.

— Вот так, — сказал он, — пшеничка одна и та же, только выращена по-другому. Помнишь, показывал я тебе гнездовой посев. Так вот, нас он пока не подводит.

Сеют в учхозе теми же семенами, что и в большинстве хозяйств области — «Амурская-74», сорт, выведенный М. Я. Одноконем. Обычный вес тысячи зерен этого сорта — 27 граммов. В учхозе этот же сорт семян дает более крупное зерно. Та же тысяча зерен в рядовых посевах весит 33,3 грамма, а в гнездовом — 44 грамма!

Впрочем, теперь и ученые соседи начали интересоваться гнездовым посевом. Соглашаются, что таким образом выращивать семена, пожалуй, есть резон. Конечно есть!

По области как-то ездил заместитель министра сельского хозяйства РСФСР. Дело было летом, в самый канун уборочной. Видами на урожай гость остался недоволен. Нигде не видел такой пшеницы, как, скажем, на Кубани или Алтае. В управлении он попросил назвать хозяйство, где самая хорошая пшеница в этом году. «Есть тут одно хозяйство, — сказали ему, — но оно, знаете, нетипичное. Размеры невелики, да и само оно, собственно, нам не подчиняется. Учебно-опытное хозяйство сельхозтехникума». Замминистра не счел, однако, нетипичным учхоз и попросил повезти его туда. Приехал, поглядел. Очень понравилась ему пшеница. Заинтересовал его и сам гнездовой посев и многое другое, что делалось в учхозе. Выходило, что, вопреки утверждениям о нерентабельности малых хозяйств, хозяйство сельхозтехникума самое рентабельное в области.

Человек, приехавший с ним из управления, стал возражать. В учхозе, дескать, студенты работают. Нетипично. Впрочем, и в соседнем хозяйстве «Грибское» так же работают студенты. А вот себестоимость продукции у них много выше.

Но, оказывается, и студентов Дмитрий

Иванович использует не задарма. Он их сажает на машины, от начала и до конца полевых работ, и платит им, и требует с них наравне со штатными рабочими. Так что никакого дармового труда в хозяйстве нет.

Приехал замминистра на часок, на пшеничку взглянуть, а пробыл в учхозе весь день, осмотрел подробно хозяйство и все выпросил о самом хозяине. Многие записал.

— А знаете, — обратился он к своему спутнику, — вот так, по-моему, и следует хозяйничать. — А вам, Дмитрий Иванович, надо бы работать в министерстве! Честное слово...

В обширном актовом зале сельхозинститута идет научная конференция. Предстоит прослушать десятка два докладов! Темы — самые разные: «Географическое распространение микроэлементов в почвах и материнских породах на территории Зейско-Буреинской равнины»; «О применении метода дисперсионного анализа для статистической обработки результатов полевого опыта»; «Химическая консервация семян»; «Некоторые итоги селекции яровой пшеницы». Все научно, а у Дмитрия Ивановича тема слишком уж проста: «Борьба с сорняками». Из всех докладчиков, кажется, он один стопроцентный производственник.

Дмитрия Ивановича сначала слушали плохо. Потом зал насторожился, зашелестели блокноты. Я рад был за Дмитрия Ивановича. Его доклад самый злободневный. Борьба с сорняками — большое место во все времена, а при наших громадных посевных площадях особенно.

До последнего времени из сорных трав на наших полях больше встречались щерца, различные вьюнки, жабрей, осот, дурнишник, пырей и прочие семянные, корневищные и корнеотпрысковые. Но в последнее время появился и страшный бич полей — овсюг. В иных хозяйствах земли забиты им донельзя. Его завезли с семенами. Теперь он распространяется, как пожар, и все настоятельней становится необходимость в чистых парах.

В хозяйстве Дмитрия Ивановича сохранили чистые семена. Но так как у соседей свирепствует овсюг, то и полям учхоза угрожает эта же беда. Недавно директор опытной станции просил у них семена. «Выручайте. Нигде не мог я найти семян без овсюга».

Дмитрий Иванович в своем сообщении говорил как-то слишком уж просто. Вернувшись после доклада на свое место, он сказал мне, что ему, наверно, выплут потом.

И правда, упрекали Дмитрия Ивановича за «категоричность» суждений. «Науку топором не делают, дорогой Дмитрий Иванович!»

Но интереснее всего были разговоры в кулуарах.

— Нет, батенька. Ты все-таки резко. Так нельзя.

— Но если я уверен в этом?!

— Все равно, как-то потактичнее надо. Знаете, ученая среда...

Но большинство ученых коллег, как я понял, было на стороне Дмитрия Ивановича. Все они согласны с тем, что пора поломать теперешнюю структуру посевов, отказаться от неоправдывающей себя методы обработки зяби, пора прекратить впустую тратить удобрения, которыми в первую очередь пользуется сорняк.

В нашей области пока немного хозяйств перешли на хозрасчет. Но дела у них пошли заметно лучше. В колхозе «Прогресс» на хозрасчете второй год уже работают не только полеводы, но и животноводческие фермы. Себестоимость молока стала вдвое ниже, а свинины — втрое. Прежде животноводы не заинтересованы были в том, чтобы экономить корм. Привезет тракторист волочужку сена и заявляет, что в ней пять тонн. Завфермой видит, конечно, что это не так, но не возражает, подписывает наряд. Или испортятся зерноотходы на складах. Их вывезут на свалку, а спишут в расход на ферму, чтобы не иметь неприятностей. С хозрасчетом все это не «пошло». И если еще недавно фермы были убыточными, то теперь они дают прибыль.

В Ерковецком совхозе на фермах имелись освобожденные ремонтеры, наладчики по мехдойке, учетчики. Но как только ввели хозрасчет и объяснили дояркам, что все эти люди получают от надоенного ими молока, доярки потребовали упразднить лишние должности и взяли их работу на себя. Бывало, у них постоянно не хватало бидонов, поддоинок, полотенец, халатов. А тут все вдруг «закрепилось», перестало теряться и ломаться.

Но хозрасчет оказывается делом не простым. Тут надо хозяйствовать, оборачиваясь в основном без дотаций, надо иметь приличный доход. Тут одними организаторскими способностями не обойдешься. Надо разуместь в бухгалтерии и финансах, в агротехнике, зоотехнии, биологии, экономике.

Сейчас многих моих знакомых председателей колхозов и директоров совхозов я вижу в городе, где они переучиваются на курсах с ориентацией на хозрасчет. Но, пожалуй, и переучившись кое-кто окажется не на «уровне» один на один с хозрасчетом. Одно дело руководить, отдавая приказы и получая дотации, другое — хозяйствовать за счет своих возможностей и выполнять твердые задания.

Дмитрий Иванович, как-то сказал, что кое-кому не выгодно переходить на хозрасчет. Сразу ведь на виду окажешься. Сразу всем станет ясно, на что ты способен. Раньше хорошо выглядеть проще было. То речь пламенную произнес, то обязательство взял сногшибательное и позвал за собой других — и тебе уже почет... А если хозрасчет? Да тебя сам же коллектив прогонит, если ты не можешь разумно хозяйствовать. Но если ты чего-то стоишь, так не дадут тебя в обиду.

Говорят, для того чтобы хозяйство могло работать на хозрасчете, необходимо иметь процент рентабельности не ниже сорокапяти—пятидесяти. То есть каждый участвующий в производстве рубль в течение года должен и сам окупиться полностью, да еще и принести с собой 45—50 копеек прибыли.

В учхозе рентабельность в течение девяти лет колебалась от 25 до 83 процентов. Причем, рентабельность растениеводства — от 50 до 160 процентов. Животноводство в учхозе пока менее рентабельно — не хватает помещений.

— Но, — говорит Дмитрий Иванович, — не только мы, производители, должны работать на хозрасчете. Торговля, те, кто принимает, заготавливает и продает нашу продукцию, также должны работать хозрасчетно. Не разбазаривать общественный продукт.

Иду по улице и вижу: мечет свои полусаженные шаги Дмитрий Иванович. Издали еще улыбается, щуря глаза.

— Откель бредешь? — спрашивает. И смеется: — Ну дела! Ну дела!

Оказывается, у них в хозяйстве побывала делегация из представителей сельскохозяйственных учебных заведений Забайкалья. Их там проверяла министерская комиссия и предложила поехать поучиться в учебно-опытное хозяйство Благовещенского сельхозтехникума. Дмитрий Иванович связывал это с прошлогодним визитом замминистра.

— Не сочти за хвастуна. Но я доволен. Очень им понравилось у нас. Удивляются, что и животноводство не убыточно, и построили много.

Дмитрий Иванович Белько не одинок. Чаще всего он действует вместе с Владимиром Лазаревичем Белоноженко, с которым когда-то затевали механизированные звенья и гнездовой посев сортовой пшеницы. Есть в техникуме и другие преподаватели, что поддерживают их начинание. И всем им отрадно видеть результат своей работы.

Было агрономическое совещание. Наконец-то!.. По обработке зяби пересмотрены и по-другому отредактированы «Рекомендации». Записано, что лущить можно лишь тогда, когда не представляется возможности своевременно поднять зябь. Главная же борьба с сорняками — ранняя обработка зяби, то есть то, что Дмитрий Иванович в учхозе делает уже много лет. Авиация как метод внесения удобрений, признана малоэффективной и дорогой. Нужны иные приемы.

г. Благовещенск,
Амурская область.

Нужны севообороты. Как-то будет на самом деле?..

**

Нынешняя весна пришла поздно. Большинство хозяйств к севу приступило лишь тогда, когда земля легко стала даваться обработке. Работали так, как диктовали земля, погода и здравый смысл.

Еще одна не менее важная примечательность. Ориентируясь на севообороты, амурчане нынче решили посеять поменьше да лучше, надеясь компенсировать некоторое сокращение площади, ушедшей под пары, хорошим урожаем.

Теперь осень. Ее ждали с нетерпением. Еще бы! Ведь к хлебу нынче отнеслись совсем не так, как даже в прошлом году. И получилось так, что с меньшей площади взяли урожай зерновых почти в полтора раза больше прошлогоднего. Печать отметила, что в Амурской области нынче собрано хлеба столько, сколько ни в одном году не собирали раньше.

Вот первые результаты той новой, творческой обстановки, которая создалась после мартовского Пленума ЦК КПСС.

Ранним утром провожал я Дмитрия Ивановича до зейского перевоза. Переезд через реку давно уже закрыт. Зима хотя и была нынче лютая, морозная, а лед на реках и озерах настыл не такой уж мощный. Сейчас он напоминает наполовину высосанный пласт сахара — пористый и ноздреватый, томительно-тусклый.

На берегу мы нашли небольшую палку и, опираясь на нее и потыкивая лед, Дмитрий Иванович зашагал по хрусткому ледовому полю на ту сторону. Талый ветер плыл из степи, куда уходил Дмитрий Иванович. Скоро быть ледолому.

Он помахал мне палкой, и высокая фигура его, все более уменьшаясь, постепенно растворилась в утренней дымке и слилась с силуэтами заречных кустов.

Я еще постоял немного, подышал тугим ветром, улавливая в нем запахи обнаженной уже степной земли и пробуждающихся почек тальника. Хорошее предчувствие наполняло грудь. Весна...

Но была и другая весенняя погода. Она устанавливалась в хозяйственной политике после мартовского Пленума ЦК и дохнула особой здоровой свежестью после недавно закончившегося XXIII съезда.

И мне пришло на ум, что стоит, пожалуй, рассказать о Дмитрие Ивановиче. О нем и о земле, по которой я хожу, на которой стою.